

схватил в охапку ту одежду и побежал одеваться за копну из снопов пшеницы, которыми было уставлено все поле. Но что это? Когда Иван брал одежду, я заметил на гимнастерке «шпалы», а под ней кобуру пистолета. «Подполковник или полковник – подумал я – быть беде!» «Прячься лучше! – успел крикнуть и стал натягивать шинель. Через две минуты из воды вылезли трое и бросились ко мне с криком: «Где одежда?» Я ответил, что не знаю. Двое солдат стали одеваться, а третий схватил с земли брошенную кем-то винтовку, дослал патрон и с криком: «Где второй? Тут был второй, твой дружок?» стал тыкать мне в живот ствол винтовки. Я понял, что дело плохо и стал медленно раздеваться со словами «берите мою одежду». «Нет! – закричал он – там документы». Он стукнул меня прикладом в бок и с криком: «Я ему покажу!» голый и босой помчался вдоль берега, куда шли и все переправившиеся солдаты. Это была жуткая картина: бегущий по дороге голый человек с винтовкой в вытянутой руке. Я понял, что мне самое время где-то спрятаться. Быстрым шагом я прошел метров 200 и, свернув налево, в какой-то овражек, спрятался в кустах.

Прошло около часа, я вернулся за Иваном, но его нигде не было видно. Наконец, за одной из отдаленных копен я увидел его. Он лежал на правом боку в нижнем белье, в левой стороне живота было видно входное отверстие от пули, но пуля прошла навылет, и рваное выходное отверстие было величиной с ладонь. Он что-то пытался сказать. Я оторвал лоскут от нижней рубашки и попытался перевязать его, но тут из раны хлынула кровь. Иван потерял сознание.

Между тем, большая группа солдат собралась на том берегу, намереваясь переплыть реку, одни стали раздеваться, некоторые бросились в воду прямо в одежде. Людей на том берегу все прибывало, за ними появились